

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 93/94

Курков К.Н.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

ЭВОЛЮЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА ДВОРЯНИНА-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (КНЯЗЬ С.С. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВ¹)

Аннотация. Среди российских промышленников особняком стоят хозяева уральских горных заводов, история которых представляет причудливый сплав становления высокопродуктивной металлургии с самыми архаическими формами крепостничества. Тем больший интерес представляют деятельность и взгляды типичнейшего представителя данной социальной страты – кн. С.С. Абамелек-Лазарева, отстаивавшего необходимость монополизации горной промышленности. Однако на его примере одновременно хорошо проявляются объективные препятствия, мешавшие российским дворянам-предпринимателям изменить «консервативную небуржуазность сознания».

Ключевые слова: дворяне-предприниматели, аристократия, уральские заводы, пережитки крепостничества, синдикаты, монополизация промышленности, принцип «горной свободы».

K. Kurkov

Moscow State Humanitarian University named after M. Sholokhov

EVOLURION OF A NOBLEMAN-ENTREPRENEUR'S MENTALITY UNDER THE CONDITIONS OF MODERNIZATION IN RUSSIAN SOCIETY (PRINCE S.S. ABAMELEK-LAZAREV)

Abstract. The owners of the mines and metallurgical works in the Urals stand apart from the rest of the Russian industrialists. Their history represents a whimsical alloy of a highly productive metallurgy formation with very archaic forms of serfdom. The more interesting are the

© Курков К.Н., 2014.

¹ Учитывая своеобразное фамильное именование князей Абамелек («мелек», «мелик», «мелех» – от древнееврейск. «царь», «правитель») можно предположить, что они происходили от древних правителей каких-то горских областей.

activities and views of the Prince S.S. Abamelek-Lazarev, a typical representative of the given social strata, who defended the necessity of monopolizing the mining industry. Still, his example can show the objective obstacles that prevented the Russian noblemen- entrepreneurs from changing the “conservative non-bourgeois consciousness”.

Key words: noblemen-entrepreneurs, aristocracy, the Urals factories, anachronisms of serfdom, syndicates, industry monopolization, principle of “mining freedom”.

Среди российских промышленников хозяева уральских горных заводов стоят особняком. Их история представляет причудливый сплав становления высокопродуктивной металлургии с самыми архаическими формами крепостничества. Тем не менее после реформы 1861 г. уральскую металлургию не постигла участь большинства традиционных «дворянских» промышленных производств – не в последнюю очередь за счет того, что заводладельцы обладали громадными личными состояниями, обширными латифундиями. В облике большинства «уральских» дворянских фамилий отразилась в наиболее концентрированном виде двойственность социально-экономической природы российского дворянства, теснейшая связь феодального по своему происхождению и привилегиям сословия с рынком.

Основными пережитками крепостничества, тормозившими техническое развитие уральской промышленности, и одновременно её главными характеристиками были:

1) монополия привилегированных предпринимателей на горнозаводское дело и недра земли;

2) огромные земельные владения горнозаводчиков;

3) применение крестьянских отработок в производстве и другие методы удешевления рабочей силы [2, с. 20–21.].

Одними из крупнейших уральских горнозаводчиков были Лазаревы

(купеческая семья армянского происхождения), ставшие богатыми и титулованными российскими аристократами. После пресечения фамилии Лазаревых их фамилию и родовые богатства унаследовали князя Абамелеки (Абамелик)¹. Представители этого древнего армянского рода переселились в Грузию в 1421 г. После того, как в 1800 г. дочь Симона (Семена) Абамелика стала женой одного из грузинских царевичей, тифлисская ветвь рода была возведена грузинским царем в достоинство «князей третьей степени». Высочайше утвержденным 16 января 1873 г. мнением Государственного совета отставному генерал-майору кн. С.Д. Абамелику, женатому на дочери Христофора Лазарева, дозволено было принять фамилию тестя и именоваться впредь потомственно князем Абамелек-Лазаревым [5, с. 60]. Определением Правительствующего Сената от 7 декабря 1887 г. коллежский секретарь в звании камер-юнкера Семен Семенович Абамелек-Лазарев утверждён в княжеском достоинстве с именовании его князем Абамелек-Лазаревым.

Будущий меценат-миллионер был третьим ребенком князя Семёна Давыдовича Абамелека (1815–1888) и его жены Елизаветы Христофоровны, в девичестве Лазаревой (1832–1904). У княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 2296. Л. 2–4.

(1832–1904) было пятеро детей: кн. Семен Семенович-старший (1853–1855), кн. Екатерина Семеновна (1856 – ?), в замужестве княгиня Мещерская, кн. Семен Семенович-младший (1857–1916), кн. Елена Семеновна (1859–1929), в замужестве княгиня Гагарина, и кн. Елизавета Семеновна (1866 – ?), по браку графиня Олсуфьева [6, с. 11–13].

Биография князя С.С. Абамелек-Лазарева не слишком типична для рядового российского аристократа. Окончив в 1881 г. историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата, он служил по Министерству народного просвещения. совершает путешествие в Восточное Средиземноморье, сделал открытие в области древнеарамейского языка, за это открытие французская Академия надписей и изящной словесности присвоила ему звание адъюнкта.

Государственная служба князя оказалась в дальнейшем связанной с его предпринимательской деятельностью: с 1897 г. он становится членом Горного совета при Горном департаменте министерства финансов, а затем – Министерства торговли и промышленности. В 1898 г. ему присваивается чин действительного статского советника, в 1905 г. – тайного советника. Придворная служба С.С. Абамелек-Лазарева сводилась к почетным званиям: в 1887 г. он – коллежский секретарь в звании камер-юнкера; с 1893 г. – в должности шталмейстера, а с 1905 г. – шталмейстер Двора Е.И.В.

Абамелек-Лазарев также был почетным попечителем Лазаревского института восточных языков, основанного его предком Л.Н. Лазаревым, действительным членом Русского археологи-

ческого общества; членом Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования, членом Общества попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях, председатель Совета московских армянских церквей.

Кн. С.С. Абамелек-Лазарев начинал свою предпринимательскую деятельность как управляющий матери, княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой. После смерти отца, в 1888 г., он становится руководителем принадлежащего матери «Пермского имения» – Чёрмоозского частновладельческого горнозаводского округа [3; 4, с. 93–101], а в 1904 г. унаследовал все огромное состояние своей матери. С «1900 года... мы... с одной стороны, член правления заводов... наследников П.П. Демидова, князя Сан-Дonato... с другой, по доверенности матери моей... князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев, заключили настоящий предварительный договор» об аренде принадлежавшего Демидовым участка берега реки Косью, расположенного недалеко от места, куда сплавлялся строевой и крепезный лес для принадлежавших Лазаревым Кизеловских копей, и от станции железной дороги, по которой лес уже сплавлялся на рудники. Участок арендовался сроком на 12 лет на достаточно выгодных условиях. В тексте договора имеются пометы, скорее всего, самого князя, что доказывает его активное и заинтересованное участие в деле.

Неизвестно, был заключен тогда договор или нет, но предмет оказался столь важным, что в сентябре 1907 г. служащие Кизеловского округа Лазаревых обратились к князю с ходатайством о заключении договора об аренде участка на тридцать лет чуть ли не

на любых условиях, так как в связи с развитием заводов и рудников требовалось уже в пять раз больше леса, чем мог вместить лазаревский участок. «Кроме того, на части этой площади [участка Демидовых. – К.К.] примыкающей к углевыжигательному заведению и к станции железной дороги, находится хвойный лес, который летом представляет большую опасность заведению в пожарном отношении, а в последнее время [в 1907 г. – К.К.], кроме того, является укромным местом для разного рода неблагонадежных лиц»¹.

Неспокойная обстановка в районе и в целом по стране, её последствия стали в начале XX в. новой постоянной заботой предпринимателей. Князь С.С. Абамелек-Лазарев, несомненно, отлично представлял себе ситуацию, тем более, что управлял своими заводами и состоянием сам. Семье Абамелек-Лазаревых принадлежали Кизеловские каменноугольные копи в Соликамском уезде Пермской губернии. Добыча угля в них началась в 1849 г.; добывалось от 400 до 700 тыс. пуд. в год; в третьей четверти XIX в. был обнаружен новый запас угля в 450 млн. пуд., предполагалось же, что все месторождение содержало в 1882 г. 1 млрд. пуд.; кизеловский каменный уголь употреблялся для отопления паровозов Уральской железной дороги, на самом заводе, а также на Мотовилихинском и заводе Франко-Русского общества на реке Чусовой. Один из рудников назывался «Князь Абамелек», а его пласты носили имена: «Княжна Елизавета», «Княжна Елена» (в честь дочерей княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой) и «Николай» (в честь

наследника престола, будущего Николая II).

В Кизеловском округе добывался красный железняк, так называемая «Троицкая руда», переплавлявшаяся на Чермоозском заводе Е.Х. Абамелек-Лазаревой. Ей же принадлежали Усольские и Лысьвенские промыслы, причем соляные скважины также носили имена Лазаревых и Абамелеков, а соляные варницы действовали все на том же кизеловском каменном угле.

В самом конце XIX в., в 1899 г., на Малокозьвенском и Тылайском приисках все той же Кизеловской дачи было обнаружено месторождение платины, содержащее 75 – 80% металла. Исследование руды велось почти пять лет, но зато платиновые рудники С.С. Абамелек-Лазарева позволили ему создать знаменитое на весь мир «Общество «Платина». Кроме того, во владениях князя имелись серный колчедан, бурый железняк, железная руда, торф из «Золотого болота», найденный в сентябре 1900 г.²

Предприниматель не ограничивался Уралом. На другом конце империи, на «исторической родине» предков Лазаревых, в Армении, он ведет переговоры о приобретении прав на разработку железной руды и угля. На одном из участков имелись старые разработки времен владычества персов, «причем ямы представляли сплошное железо»; в близком соседстве от второго участка «замечаются медные, серебряные и другие руды», имелись и сведения о наличии угля. С.С. Абамелек сумел найти местность в Эчмиадзинском уезде, где участки, представлявшие собой «как бы несколько отдельных

¹ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 961. Лл. 123, 27–29, 34, 45–46, 89–91, 125.

² РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 1961. Лл. 97–98.

гор», содержали не только уголь, но и железную руду. Все вместе следовало «выкупить» (у владельцев «заявок») за 10 тыс. руб., что было бы легко ввиду бедности «заявителей»¹.

Особое внимание князь уделил анализу горных пород в своих владениях. В его фонде сохранилось множество бумаг с таблицами и расчетами процентного и качественного содержания руды, исследования глубины её залегания и т. д. Он сравнивает английские, американские, шведские сорта чугуна со своим кизеловским чугуном из «Троицких руд», с отечественным чугуном – Невьянским, Олонецким, Златоустовским, Шуваловских заводов, знаменитой Юзовки. Можно предполагать, что он сам занимался научными исследованиями полезных ископаемых Урала и других регионов. Абамелек-Лазарев лично и активно управлял огромным комплексом предприятий до самой смерти, посещая Уральский производственный комплекс раз в году, как правило, на месяц.

Крупный промышленник, Абамелек-Лазарев оставался аристократом, тесно связанным со своим сословием. В период Первой русской революции активизировалась деятельность не только левых партий, но и консервативных, прежде всего националистических и дворянских групп, кружков, организаций. Среди личных бумаг князя – программы крайне правых сословных объединений, записки дворянских деятелей по еврейскому вопросу, о недопущении государственных служащих к участию в антигосударственных акциях, о борьбе с агитацией радикальных партий. Трудно

¹РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 4498. Лл. 4–6, 7–9, 10–11.

сказать, в какой мере им разделялись изложенные в этих документах идеи; во всяком случае, он интересовался настроениями столичного и провинциального дворянства. 22 мая 1906 г. Абамелек-Лазарев участвовал (с правом совещательного голоса) в работе Российского Съезда уполномоченных дворянских собраний².

Но, конечно, гораздо больше князя занимали экономические проблемы – ведь он выступал ещё и в ипостаси крупного землевладельца-латифундиста. С.С. Абамелек-Лазарев был одним из организаторов Всероссийского союза землевладельцев; вероятно, он был автором Устава Союза, черновик которого хранится в его фонде в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Самым существенным вопросом, волновавшим членов Союза, было кредитование (своеобразная страховка) землевладельцев, пострадавших от революции. Составленная князем 5 февраля 1907 г. «предварительная записка о возможных кредитных функциях» Союза характеризует его взгляды на ситуацию.

Составитель записки приписывал Союзу «всесословность» и даже роль объединителя интересов помещичьего и крестьянского хозяйства, причем именно в экономической сфере, которая и порождала антагонизм между ними. «Лечить» этот конфликт князь собирался с помощью кредитования «землевладения и сельского хозяйства, независимо от размера и типа».

Необходима помощь землевладельцам и «в случаях убытков, вызываемых исключительными условиями переживаемого времени», так как «по теории страхования математическая

²РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2–4.

вероятность погрома не может быть исчислена». Ипостась промышленника – крупного капиталиста, в которой выступает одновременно С.С. Абамелек-Лазарев, нашла свое выражение в «Записке по вопросу о синдикатах», датированной 25 мая 1905 г., почти целиком посвященной различным типам синдикатов и возможности их применения в уральской горной промышленности. Перед нами – ученый, трезвый, сосредоточенный и творчески мыслящий человек, уверенно входящий вместе со страной в новый этап её капиталистического развития.

Примером для автора является Америка и отечественные отрасли промышленности, которые уже «или монополизированы казною, или так или иначе служат объектом соглашения между... производителями». По его мысли, Уралу, «инертному и двести лет усыпавшемуся государственным покровительством», надо также «проявить полную энергию и встретить во всеоружии единения» конкурентную борьбу с новыми заводами Юга России. Он выступает за «синдикат в тесном смысле», нормализующий цену и доли отпуска товара на рынок, с организацией централизованной реализации продукции, но сохраняющий за предприятиями внутреннюю хозяйственную самостоятельность¹.

Двойственность социального облика С.С. Абамелек-Лазарева – крупного помещика и крупного капиталиста – сказалась и на его позиции по острому вопросу о собственности землевладельца на недра его земли, и перевес здесь был явно в пользу помещика. Он – категорический противник «горной свободы» (права на добычу

ископаемых в обход землевладельца), порождающей спекуляцию заявками, отводами земель под добычу полезных ископаемых, то есть, соответственно, – против коммерции, мелкого бизнеса, за раздел сфер влияния в горной промышленности между такими «зубрами», как он сам. Для вида, однако, отстаивались и крестьянские права на недра крестьянских и общинных земель, хотя горнопромышленник понимал, что «на практике горная администрация действовала» всегда «вразрез с горной свободой» и с чьими бы то ни было правами, особенно местного населения². Здесь как нигде проявился в нем, вопреки всем его «буржуазным» замашкам, крупный феодал-земледелец, помещик старой формации, противник перемен. Как предприниматель, он выступал не только в роли уральского горнозаводчика, но и в ипостаси крупного землевладельца. Поэтому особое значение представляет его переписка с Всероссийским союзом землевладельцев.

В условиях нараставшего кризиса самодержавной власти помещики пытались спасти свои имения как от революции, так и от разорения, грозившего им в связи с нараставшим крахом традиционной формы землевладения. Для этих целей создавались всевозможные общества и союзы; одним из них и стал Всероссийский Союз землевладельцев, или земельных собственников. Его важнейшая функция – организация предоставления помещикам кредита, из чего, по мысли инициаторов проекта, «следует... усматривать зерно, из которого должно зародиться и вырасти будущее могущество Союза и полное развитие

¹ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 203.

² РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 2.

всех его функций»¹. «Предварительная записка о возможных кредитных функциях Всероссийского союза землевладельцев» составлена 5 февраля 1907 г. в Москве и близка по содержанию к другим статьям, написанным кн. С.С. Абамелек-Лазаревым. В «Записке» обосновывается прочность и жизнеспособность создаваемой общественной организации, идеология крупного землевладения. Руководство Союза считало «насушнейшей нуждой землевладения и сельского хозяйства, независимо от их размера и типа..., потребность в специальной организации кредита долгосрочного и краткосрочного».

Непосредственно за вопросом о кредите следовал вопрос о помощи землевладельцам в случае убытков, вызываемых исключительными условиями переживаемого времени. «Народные волнения, забастовки, аграрные беспорядки и насилия, пожары, уносящие труды многих лет и нередко нескольких поколений – у всех на памяти. Не нужно самому непосредственно потерпеть от этих несчастий, чтобы оценить потрясения в имущественном равновесии, которые ими вызываются»². По мысли автора записки, «причины переживаемого риска убытков не могут почитаться постоянными», ибо «скорее можно ожидать, что землевладельцам придется в ближайшем будущем вести борьбу с торговыми синдикатами на почве взаимного экономического давления, или с влиянием профессиональных рабочих организаций, воодушевленных социалистическими идеями», а не с крестьянскими волнениями, оста-

ющимися для автора следствием действий бандитских шайк³. Затем автор, говоря о необходимости помочь членам Союза, пострадавшим от аграрных волнений, считает, что такая помощь «должна в непродолжительном времени коренным образом видоизмениться в более широкую и грозную форму».

Показательно, что помещичье землевладение, принадлежавшее к атрибутам традиционного общества, предлагается спасать чисто капиталистическими методами. «Записка» рекомендует организацию такого кредитного общества, которое могло бы при посредстве возможно большего капитала, сосредоточенного в его руках, объединить интересы членов Союза для последующей активной деятельности⁴.

Другой документ, принадлежащий перу князя – уже упоминавшаяся «Записка по вопросу о синдикатах», датированная 25 мая 1905 г. и написанная в С.-Петербурге⁵, – адресована, по видимому, одному из комитетов Министерства Торговли и промышленности, призванному решить ряд вопросов, связанных с образованием крупных монополий. Записка почти целиком посвящена внутреннему устройству различных типов синдикатов (кн. С.С. Абамелек-Лазарев насчитывает их три) в уральской промышленности, прежде всего металлургических предприятий этого региона.

Князь С.С. Абамелек-Лазарев – убежденный сторонник образования синдикатов. Он считает монополии

³ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 205. Лл. 3–4.

⁴ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 163.

⁵ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 163. Лл. 1 об. – 2.

логическим и неизбежным следствием промышленного развития: от идеи «разумной и справедливой цены» средних веков с их основанной на ограничениях, запрещениях и монополиях промышленной жизнью – к принципу свободной конкуренции XX в. как мнимой основы процветания общего благополучия, к «веку промышленных монополий» как средству удешевления продукта и регулирования рынка, своеобразному страхованию участников монопольного объединения от прерывностей судьбы.

За образец здесь берутся США, где «едва ли найдется теперь хоть одна серьезная отрасль промышленности, которая не была бы так или иначе синдицирована»; по следам ее идут другие страны, в большинстве которых «всякая отрасль главнейших видов промышленности стремится защитить себя от свободной конкуренции посредством образования союзов предпринимателей», так как конкуренция сыграла уже свою роль, и «её добрые стороны вполне исчерпаны промышленностью». Автор уверен, что «промысловые синдикаты представляют собою не продукты частного производства, как думают некоторые экономисты, а лишь необходимый вывод, логическое последствие из всей экономической истории человечества и его современного строя»; «образование предпринимательского союза (синдиката) является единственным якорем спасения от крушения промышленности, вызываемого необузданной конкуренцией», а «уничтожить их невозможно и немисливо в такой же степени, как отменить всю прошлую историю культуры»¹.

¹РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 2.

В вопросе образования синдикатов современная автору Россия не стоит в иных условиях, чем другие страны, хотя ее промышленность «частью моложе, частью беднее капиталами и предприимчивостью». Благодаря протекционистской политике правительства, созданы были и благоприятные условия для конкуренции с теми же последствиями, что и на Западе. «В настоящее время (к 1905 г. – К.К.) многие виды обрабатывающей промышленности, поддающиеся синдицированию, или монополизированы казною, или так или иначе служат объектом соглашений между своими производителями». Синдицированы сахарная и Бакинская нефтесылающая, железнодорожная, вагоно- и паровозостроительная промышленность, производство южно-русских и польских заводов, хотя «история нелегкого образования отдельных синдикатов с очевидностью указывает, что «производители» (капиталисты) идут на ограничение своей свободы крайне неохотно, только вынужденные к тому кризисами»². По отношению к занимающим автора уральским заводам создание синдиката необходимо, например, и для того, чтобы «крайне пристально изучать железный рынок», и «собразовать емкость его с производительностью заводов», что не под силу отдельным предприятиям. Надо также Уралу, «инертному и двести лет усыплявшемуся государственным покровительством» проявить «полную энергию и встретить... во всеоружии единения грядущие события» – конкурентную борьбу с новыми заводами Юга России.

²РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 5, 5 об.

Но есть и ещё одна причина, весьма занимающая кн. С.С. Абамелек-Лазарева. Теперь «едва ли может быть сомнение в том, что переживаемые теперь нашу страну события приведут, в близком будущем, к коренной перемене теперешнего внутреннего строя... вряд ли можно сомневаться в том, что земледельческие интересы страны, лишённые всякого голоса... отныне получают и голос, и преобладание, а с тем вместе может совершенно измениться и теперешняя экономическая политика». В пример автор приводит борьбу с трестами в Техасе и других земледельческих американских штатах.

Самым приемлемым для автора в выполнении основных задач предпринимательского союза-картеля (нормирование цен, нормировка производства и вытекающие из них регулирование рынка и понижение себестоимости («самостоятельности») продукта) в российских условиях является «синдикат в тесном смысле», нормирующий цену и доли отпуска товара на рынок, с организацией централизованной реализации продукции, но сохраняющий за ними хозяйственную самостоятельность внутри своего предприятия. Это (по С.С. Абамелек-Лазареву) второй (2) тип синдиката, в отличие от: 1) «соглашения», определяющего максимальные размеры производства и минимальную продажную цену продукта, и 3) треста, представляющего собой «последнее слово американского капитализма», отнимающего последнюю самостоятельность у своих участников, неприемлемых для русской промышленности вообще. Но есть ещё более первичные формы синдикатов, находящиеся вне общих

правил и пользующихся совершенно исключительными условиями. Это в России вагоно- и паровозостроительный, сахарный и Бакинский нефтепромышленный синдикаты, выполняющие преимущественно казенные заказы под наблюдением и особым покровительством той же казны и занимающиеся только нормировкой цен и (для первых двух) распределением заказов между участниками. (Кстати, для нефтяной промышленности и не представляется возможным нормировать производство в связи с открытием все новых месторождений.)

На примере этих – примыкающих к первому типу – синдикатов, а также на примере объединения Уральских производителей кровельного железа автор показывает недостатки «соглашений», главным образом, ввиду сохранения их конкуренции в борьбе за заказы и рынки сбыта, а также слабости контроля за ними и наличия непроизводительных накладных расходов на продажу, обходящуюся дороже для каждого участника этого типа синдиката. К тому же, устанавливая на определенный срок вперед обязательные минимальные цены для участников, соглашение не приобретает необходимой для «живого торгового дела» гибкости. Эта форма соглашения является, по мнению кн. С.С. Абамелек-Лазарева, неизбежной переходной формой к настоящему синдикату¹. Но «обман и трудность контроля в большинстве производств расстраивает привычные формы соглашений», и «теперь мы можем отметить, что на всем континенте Европы, включая и Россию... преобладающим, если не единственно существующим... мож-

¹РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 5.

но считать... тип, характеризующийся общей (центральной) продажей синдицированного продукта», которая «наиболее выполняет все задачи синдиката». Контроль за производством и ценообразованием, с одной стороны, и возможность, при централизованной продаже, т.е. реализации продукции, изменить продажную цену, придает синдикату большую прочность и в то же время позволяет проявлять необходимую гибкость. При этом «рынок не только легко изучается и регулируется, но и поступает затем под сильное влияние, если не в обладание синдиката... Мелкие посредники совсем исчезают, а аппетиты крупных оптовиков значительно уменьшаются».

Далее автор «Записки» перечисляет конкретные условия и обстоятельства возникновения синдиката, его цели и задачи. В конце он указывает на два вопроса, которые предстоит решить Комитету, коему адресован документ: 1) следует ли организовывать централизованную продажу товара, и 2) осуществить ли создание синдиката посредством союза, договора (по образцу иностранных монополий), или путем образования акционерного общества (как в России). Первый способ проще и легче, но ...«устроители русских синдикатов утверждают, что по мнению юристов, законен в России, в глазах суда, только второй тип (русский)». На это комитету предстоит обратить специальное внимание, и тут явно чувствуется тревога князя по поводу возможных препон возникновению его любимых картелей со стороны российских законодателей, причем эти опасения капиталистов столь серьезны, что при создании русского синдиката тянутых труб его устроители (основате-

ли) перенесли центр тяжести в Германию, под покровительство германских законов, заключив договор в Берлине, учредив там же Правление, и туда же депонировав и залогов участников, что, конечно, не способствовало развитию капитализма в России...

Сохранились также две рукописи полемических статей С.С. Абамелек-Лазарева против заводчика Гужона по вопросу о горном законодательстве в связи с указом от 9 ноября 1906 г. Оба документа относятся к 1907 г. В одной из них автор говорит, что «при горной свободе вознаграждение землевладельца заменится вознаграждением захватчика месторождения, вся заслуга которого состоит в том, что он поставил заявочный столб с соблюдением всех формальностей, и что нашел горнопромышленника, покупателя недр. В средней России, на Северном Урале, в Сибири, на Кавказе известны десятки случаев, где такие захватчики казенных месторождений, давно известные и впоследствии часто оказавшиеся ничем не стоящими, получили огромные суммы, многим превышающие то, что платят землевладельцам за их право собственности. При горной свободе развивается спекуляция заявками, отводами и на промышленность ложится более тяжелым бременем вознаграждение захватчика, чем вознаграждение землевладельца»¹.

Статья рисует нам С.С. Абамелек-Лазарева, крупного помещика и горнозаводчика, ярким сторонником сохранения в обществе частнособственнических порядков, который удивляется, что «проекты спользации прав землевладельцев на недра земли... возникают, по непонятным причинам

¹ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 6-7.

не среди кадетов и трудовиков, а среди крупных промышленников и капиталистов».

Князь полемизирует с двумя видными промышленниками – Гужоном и Ауэрбахом, выступившими в «Новом Времени» по поводу выхода в свет указа от 9 ноября 1906 г. с предложениями об отчуждении прав землевладельцев и крестьянских обществ на контроль за разработкой полезных ископаемых на их землях и передаче этих прав государству. Гужон выступал, с одной стороны, за обремененную в форму закона свободу на недра земли, предоставление всякому желающему искать, добывать и разрабатывать ископаемые, «не справляясь с волею собственника поверхности земли»; с другой же – за вышеизложенный принцип государственной собственности на недра. Ауэрбаха, выдвинувшего то же предложение, князь обвиняет в призыве к прямому грабежу.

Защищая интересы землевладельцев, кн. С.С. Абамелек-Лазарев ссылается на пример Англии, США, и на опыт законодательства Екатерины II, увидевшей, что «чуждые русскому правовому сознанию иностранные принципы горной свободы... введенные Петром I-м, также мало привились в России, как введенный им закон о майоратах». Князь, видимо, не представлял себе неправомерный характер российского общества и государства, недооценивал повальное неуважение к законам, царившее в России.

Автор статьи приводит и два конкретных возражения: во-первых – то, что единственно возможным путем отчуждения прав на недра земли, как он думает, является выкуп этих прав государством, «также как оно выкупа-

ло у помещиков земли», а государство не сможет «по справедливости» оценить не эксплуатируемые и неисследованные недра земли, да и не найдет средств для столь грандиозной операции. В случае же простого лишения землевладельца права распоряжения недрами придется определить в законе размер вознаграждения за их использование, что поведет к уравниловке и, «кроме того, нарушит все свободно установившиеся арендные отношения между землевладельцами и горнопромышленниками». Во-вторых, при существующем до сих пор порядке, говорит Абамелек-Лазарев, русская горнопромышленность расцвела так, что значительно превысила потребительную способность рынка, не находя даже сбыта своей продукции.

Страх Гужона и Ауэрбаха перед актом 9 ноября был вызван опасением, что в результате его исполнения появится бесчисленное множество мелких собственников и мелких владений, и автор успокаивает их, говоря, что подобная опасность возникнет только через десятки лет, «так что странно говорить о неотложности издания новых горных законов в порядке 87 статьи Основных Законов»¹. Здесь С.С. Абамелек-Лазарев выражает позицию последнего съезда горнопромышленников Юга России и говорит, что нельзя отказать в полезности реформам горного права, указанным в постановлениях этого съезда.

Вопрос о собственности землевладельца на недра земли давно и близко волновал С.С. Абамелек-Лазарева. Ещё в 1902 г. он выпустил книгу «Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии», где, основыва-

¹ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 4.

ясь на множестве «фактов истории» и «цифр статистики», отстаивал ту же точку зрения.

Вторая статья продолжает полемику, но достаточно существенно отличается от первой. Она содержит «Возражение на открытое письмо Ю.П. Гужона от 5-го Марта 1907 г., помещенное в брошюре «Обмен мыслей по вопросу о недрах земли» Москва, 1907». Автор уличает Гужона в ряде ошибок и неточностей, объявляет ошибочными выводы, которые его оппонент сделал из предыдущего выступления, уверяя, что если он приводимых последним тезисов прямо не формулировал, то они ему и не принадлежат, хотя из статьи в «Новом Времени» как раз и следует, что «произвол землевладельца есть могучее средство для роста и процветания горной промышленности», что «горная свобода является врагом развития горной промышленности», что «не надо отождествлять развитие горной промышленности с произволом землевладельца», что «в горной свободе – признак упадка горной промышленности», и что он «отождествляет горную свободу с грабежом и попранием священных прав собственности». Задела С.С. Абамелек-Лазарева и попытка Гужона объяснить его позицию тем, что он крупный землевладелец, и он напоминает, что одновременно является и крупным горнопромышленником и горнозаводчиком, «а факт владения поземельно собственностью сам по себе ничего не может объяснить». Оказывается, князь не столь наивен в отношении неправового характера своей страны, и признает, что «горная свобода у нас существовала только на бумаге, а на практике горная администрация дей-

ствовала вразрез с горною свободою, как бы ее вовсе не существовало». На аргумент Гужона «об отсутствии работ на многих Уральских заводах, о закрытии многих горных предприятий на Юге и об учреждении над многими из них администраций» С.С. Абамелек-Лазарев отвечает, что горная свобода тут ни при чем, и подобные явления она устранить не может. Гужон далее полагает, что если бы горная промышленность в России процветала и внутренний рынок был бы переполнен, это обстоятельство должно было бы вызвать увеличение экспорта, например, металлических изделий; князь отвечает, что для отсутствия расширения экспорта есть «общие причины», и что также «ничтожен вывоз шелка, ситца и всех прочих товаров».

Оказывается, и более благополучная Европа в данном отношении не столь идеально устроена: за исключением Англии и значительной части Италии, «землевладельцы много столетий как утратили свои права на недра земли», и только «в тех случаях, когда, как исключение, такие права... сохранились... они... оставлены в целости и даже значительно расширены при реформе некоторых горных законодательств в XIX столетии»; и горная свобода повсюду в Европе отнюдь не уживается мирно с крупною собственностью, как заявляет Гужон. Но «там, где была акцессия», «ни одно культурное правительство мира не провело закона, устанавливающего горную свободу».

Несомненно, что столь богатый и влиятельный аристократ не мог остаться в стороне от политики, от событий, потрясавших Россию в начале века. 22 мая 1904 г. он участвовал

– с правом совещательного голоса – в Российском Съезде уполномоченных Дворянских Собраний¹. В фонде С.С. Абамелек-Лазарева имеется также несколько программных документов, относящихся к периоду Первой русской революции, включающих и письма из различных дворянских общественных организаций. Князь хранил у себя Программу-рекомендацию по борьбе с агитацией крайних (радикальных) партий на предстоящих выборах во II Государственную думу и о недопущении лиц, служащих в государственном аппарате, земских и городских учреждениях, к участию в антиправительственной и антигосударственной деятельности, их избрания в думские депутаты².

Среди бумаг имеются также тексты программных положений съезда московского «Кружка дворян» от 22 – 25 апреля 1906 г., в том числе чистый бланк анкеты-заявления для вступления в члены «Кружка». С.С. Абамелек-Лазарев явно не спешил вступить в «Кружок дворян», но хранил описанные материалы, которые затрагивали его интересы именно как аристократа, члена «благородного сословия»; возможно, его не совсем устраивали крайне правые, консервативные взгляды, исповедуемые членами «Кружка», стоявшими за соблюдение принципа неизблемости самодержавной власти российских монархов, но требовавших независимости дворянских организаций от правительственных и государственных учреждений. На документах «Кружка» карандаш читателя отметил те строки, где говорится о значении еврейского вопро-

са в России в понимании автора, что доказывало интерес кн. С.С. Абамелек-Лазарева к настроениям столичного и провинциального дворянства.

Мировоззрение кн. С.С. Абамелек-Лазарева является одним из интереснейших примеров эволюции менталитета дворянина-предпринимателя в условиях модернизации российского общества.

На примере кн. С.С. Абамелек-Лазарева мы видим, что даже представители дворянских верхов, функционально интегрированные в капиталистическую систему, во многом сохраняли мировоззрение и привычки своего сословия и не ощущали себя типичными буржуа. Интенсивное капиталистическое развитие и сопутствовавшие ему социальные сдвиги произошли в России столь быстро, в таких ограниченных временных рамках, что не смогли качественно видоизменить «консервативную небуржуазность сознания» [1, с. 260–261].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) – М., 1992. – 260, [2] с.
2. Бухаров Е.Е. Развитие предпринимательства в России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Урала): Дисс. ... канд. ист. наук – М., 1994. – 16 с.
3. Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX вв. – М., 2009. – 501, [1] с. – (Экономическая история. Документы, исследования, переводы).
4. Грузинов А.С. Эволюция хозяйства князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX века (по бюджетным материалам) // Отечественная история. – 2004. – №3. – С. 93–101.
5. Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных рос-

¹РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 4498. Л. 5–6.

²РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 4498. Л. 10–11.

сийских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем / Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2004. – 368 с.

6. Онучин А.Н. Князя Абамелек и Абамелек-Лазаревы, графы и дворяне Лазаревы / Автор-сост. А.Н. Онучин. – Пермь, 1996. – 32 с.